

ИСТОРИЯ НОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКА КАК РАЗДЕЛ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ: ПРОБЛЕМАТИКА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АППАРАТ

В статье рассматривается история нормирования литературного языка как лингвистическая дисциплина на стыке истории лингвистики и истории литературного языка. Основное внимание уделяется соотношению универсальных тенденций и национально-культурной специфики кодификационных процессов.

Ключевые слова: языковая норма; литературный язык; нормирование языка; кодификация языковых норм; история лингвистики.

Целью нормативного подхода к описанию языка, лежащего в основе письменно-литературной культуры, является создание сочинений, регулирующих общественно-речевую практику (словарей, грамматик, риторик, различного рода справочников речевого употребления). В отличие от дескриптивного подхода к описанию языка, нормативный подход содержит аксиологическую и дидактическую составляющие и основан на оценке и отборе языковых средств.

Необходимость в создании и закреплении общих языковых норм была осознана уже в эпоху формирования древнейших государств, поэтому исторически нормативный подход предшествует объективной систематизации и описанию языка: окончательное отделение научной лингвистики от искусств речи происходит только в эпоху Нового времени.

Однако, хотя нормативные сочинения составляют важную часть лингвистических учений, в истории лингвистики вопросы нормирования языка обычно находятся на втором плане. Историки языкознания в первую очередь интересуются теоретической стороной лингвистических учений: определением онтологической и гносеологической природы языка, развитием понятийного строя и концептуального аппарата описания языка как системы, типами классификации языков

и основаниями подобных классификаций, развитием методов лингвистического анализа и другими неприкладными аспектами лингвистической традиции. Нормативный подход к языку, предполагающий вмешательство лингвиста в функционирование языка, представляется многим историкам лингвистики ненаучным, поэтому работы, выполненные в рамках нормативной традиции, часто остаются за пределами работ по истории языкознания.

Между тем внимательное изучение истории лингвистических учений показывает, что в основе развития лингвистической теории нередко лежит практическая потребность разрешить актуальные проблемы общественно-языковой практики: «теория языка ... отражала в своем развитии как потребности, так и трудности общественно-языковой практики» [1, с. 158]. Озабоченность состоянием языка была одним из факторов, способствовавших формированию языкознания как отдельной ветви филологических исследований.

Мысль о теснейшем сплетении лингвистической теории и общественно-речевой практики была четко выражена Ю. В. Рождественским: «Лингвистическая теория сама есть часть процесса создания языка» [12, с. 300]. Это программное утверждение, которое точно и глубоко характеризует отношения, складывающиеся между филологом, описывающим язык, и объектом его описания – языком.

По мнению Ю. В. Рождественского, теория языка, понимаемая как металингвистический дискурс в самом широком понимании, и общественно-речевая практика связаны сложными двусторонними связями.

С одной стороны, язык в своем развитии дает стимулы для развития теории языка: история лингвистики показывает, что лингвистические теории нередко являются реакцией на культурные вызовы своего времени и попыткой разрешить возникающие конфликтные ситуации, связанные с функционированием языка в обществе.

С другой стороны, филолог своей деятельностью неизбежно участвует в процессах формирования и распространения языковой нормы. Это положение хорошо соотносится с современными представлениями о роли наблюдателя в научном исследовании: само наличие наблюдателя является фактором, влияющим на складывающуюся ситуацию, что, в свою очередь, отражается на результатах наблюдения.

Таким образом, роль филолога не сводится к беспристрастной фиксации языковых фактов, как это представляют себе сторонники

структурализма. Вмешательство лингвиста в жизнь языка – это не пагубная практика, свойственная донаучному этапу развития языкознания, но естественное и неизбежное следствие деятельности лингвиста. Поэтому одной из актуальных задач в области истории языкознания является изучение прецедентов разрешения кризисных состояний в истории языка и исследование влияния лингвистической теории на общественно-речевую практику.

Это положение подтверждается всей историей развития языкознания. Проблема языковой правильности – это одна из краеугольных лингвистических проблем, которая волновала филологов с момента появления первых сочинений о языке. Со времен античности критерий грамматической правильности служил отделению общезначимой наддиалектной письменной речи от речи «неправильной», т. е. организовывал, регламентировал, направлял общественно-речевую практику. Поэтому проблемы языковой нормы имели как теоретическое, так и практическое значение и с момента зарождения лингвистической традиции находились в центре внимания филологов.

Таким образом, нормативная традиция стимулирует развитие лингвистической науки и одновременно выступает регулятором общественно-речевой практики. При этом, как показывает исторический опыт, в практике нормирования языка сочетаются и конструктивное, и описательное начала: нормативная традиция весьма консервативна, и любое нормативное сочинение содержит не только рекомендации по усовершенствованию общественно-речевой практики, но и сведения об объективной картине языкового употребления. При этом авторам нормативных трудов приходится решать не только практические, но и теоретические проблемы, например, определять состав частей речи, устанавливая набор грамматических категорий конкретного языка и т. п., т. е. заниматься проблемами, которые по своей природе не имеют прямого отношения к нормированию языка. Таким образом, содержание нормативных сочинений выходит далеко за рамки собственно прескриптивной традиции.

Влиятельность нормативных сочинений, богатство и разнообразие их содержания ставит перед историками языкознания задачу ввести сведения о принципах нормирования языка и прецедентах нормализаторской практики в состав истории языкознания. При этом двойственная природа нормализаторской деятельности, сочетающей описание сложившейся общественно-речевой практики с вмешательством

в практику пользования языком, делает целесообразным выделение истории нормализаторской деятельности в особый раздел истории языкознания [11, с. 288].

В задачи такого раздела должно входить выяснение следующих вопросов:

- изучение структуры филологического знания в различных культурно-исторических условиях и установление места нормативных сочинений в кругу лингвистических трудов;
- выяснение соотношения различных нормативных сочинений (грамматики, риторики, словаря и т. п.) в рамках нормативной традиции в различных культурно-исторических условиях;
- выяснение соотношения дескриптивного и прескриптивного компонентов в отдельных нормативных сочинениях и в рамках нормативной традиции в целом в различные исторические эпохи и в рамках различных национальных традиций;
- описание типов и жанров нормативных сочинений и их внутренней структуры;
- изучение развития «инструментария» нормативной традиции (т. е. изучение состава правил, помет, примеров в их соотношении и эволюции);
- изучение эволюции языкового идеала, т. е. установление критериев грамматической, орфоэпической, орфографической и лексико-стилистической правильности и принципов отбора рекомендуемых вариантов в различные исторические эпохи;
- изучение соотношения стихийных и сознательных процессов при формировании языковой нормы;
- установление специфики, последовательности и степени избирательности нормирования различных уровней языка;
- определение форм и способов кодификации, типичных для различных исторических эпох и языковых ситуаций;
- установление действенности кодификационных требований и степени расхождения кодификации с реальной общественно-языковой практикой своего времени;
- соотнесение нормативной традиции с философскими, семиотическими и эстетическими учениями своего времени;
- выяснение универсальных тенденций развития нормативной традиции и установление на их фоне национально-культурной специфики нормирования конкретных языков.

История нормативных сочинений есть история принципов и практики кодификации языковых норм. Таким образом, она увязывает историю языкознания с историей литературных языков, поскольку важнейшим признаком последних является наличие кодифицированных норм, зафиксированных в нормативных сочинениях или образцовых текстах [3]. В научной литературе уже высказывалось справедливое мнение, что состояние кодификации на разных этапах формирования национальных литературных языков может рассматриваться лингвистом как один из маркеров, на основании которых производится периодизация литературных языков [14, с. 32]. Таким образом, история нормативных сочинений находится на стыке истории языкознания и истории литературного языка.

История нормативных сочинений, так же как и теория литературного языка, опирается на понятие языковой нормы. Само понятие нормы имеет многоплановую природу: концепт нормы соотносится с модальностями долженствования (нормы в человеческом обществе), необходимости (неукоснительные законы мироздания), вероятности (среднестатистические нормы). Различают аксиологические, деонтические, параметрические, ситуативные, видовые нормы, нормы пропорции, нормы ожидания [2]. Среди всех разновидностей нормы представляется целесообразным выделить два полюса, к которым тяготеют частные виды норм. Это норма как рекомендуемый эталон и норма как объективно сложившийся порядок вещей, распространенный обычай. К норме-эталону относятся аксиологические и деонтические нормы, т. е. нормы образцового, предписываемого извне поведения. Норма-обычай представлена параметрическими, видовыми, среднестатистическими, ситуативными нормами, а также нормами пропорции [5].

Эта двойственность понятия «норма» фиксируется в различии между языковой и литературной нормой. В отечественной лингвистике последовательно проводится разграничение стихийно складывающейся языковой нормы и внешне закреплённой кодифицированной нормы литературного языка. Языковая норма понимается как «совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закреплённых общественной языковой практикой» [13, с. 555]. Норма литературного языка, в свою очередь, определяется как «некоторая совокупность коллективных

реализаций языковой системы, принятых обществом на определенном этапе его развития и осознаваемых им как правильные и образцовые» [13, с. 566].

Как видно, различие между двумя типами нормы касается, прежде всего, аксиологического аспекта: в определении нормы литературного языка, в отличие от языковой нормы, подчеркиваются признаки оценочности и императивности. Таким образом, языковая норма ближе к норме-обычаю, а норма литературного языка – к норме-эталону. Первая описывается дескриптивными методами, вторая задается прескриптивным путем.

При этом норма нелитературных идиомов определяется преимущественно «негативно» (так нельзя сказать), нежели положительно (надо говорить так), в то время как норма литературного языка задается как система прескриптивных правил. У литературной нормы усиливаются и усложняются селективная, дифференцирующая и оценочная

функции. В то время как языковая норма является объективным внутриязыковым явлением, одним из признаков нормы литературного языка является наличие кодификации, то есть внешней по отношению к узусу эксплицитной фиксации этой нормы.

В процессах кодификации норм литературного языка, несмотря на их национально-культурное своеобразие, можно выделить определенные универсальные тенденции. Это движение от использования в качестве образца некоторого авторитетного текста к созданию специальных нормативных сочинений, описывающих языковую норму по уровням языка; большие темпы и четкость кодификации инвентаря формальных средств выражения по сравнению с установлением границ употребления этих единиц; избирательность кодификации и определенная степень расхождения кодификации и узуса; тенденция к демократизации кодифицированных норм, проявляющейся в усиливающемся влиянии на литературный язык разговорного языка и расширении социальной и функциональной базы кодификации.

Разработка проблем истории нормирования языков ставит перед исследователем задачу упорядочения и систематизации сложившейся в этой области терминологии. Уточнения требует, прежде всего, соотношение терминов «нормализация» – «нормирование» – «кодификация» – «прескриптивизм». Многие авторы употребляют их как синонимы; другие, напротив, стремятся разграничить сферу их употребления.

Так, в работах Н. Н. Семенюк представлено широкое понимание термина «нормализация», при котором нормализация «включает, с одной стороны, спонтанные, возникающие при коммуникации процессы, ведущие к известной регламентации строевых элементов и употребления языка. С другой стороны, сюда относится целенаправленная и в той или иной степени осознаваемая носителями языка деятельность общества в лице его определенных культурных и социальных слоев и групп, ведущая к описанию и закреплению литературных норм» [14, с. 23]. В этом же значении принято использовать термин «нормирование языка».

В русистике широкое понимание сущности нормализации языка представлено в работах Л. К. Граудиной, которая обозначает термином «нормализация» широкий спектр проблем, включающий в себя «1) изучение проблемы определения и установления нормы литературного языка; 2) исследование в нормативных целях языковой практики в ее отношении к теории; 3) приведение в систему, дальнейшее совершенствование и упорядочение правил употребления в случаях расхождения теории и практики, когда появляется необходимость укрепления норм литературного языка» [8, с. 3].

Вместе с тем у ряда авторов термин «нормализация языка» понимается более узко. Они акцентируют внимание на оценочном компоненте, содержащемся в слове «нормализация» (нормализация как приближение к нормативному образцу, подчинение норме). Так, В. А. Ицкович предлагал считать нормализацией не простое описание нормы, а лишь «активное вмешательство в языковой процесс, например, введение определенных терминов и отказ от других, как нежелательных по каким-нибудь причинам» [9, с. 13–14].

Термин «кодификация», то есть фиксация языковой нормы в нормативных сочинениях, также употребляется не вполне последовательно. Под кодификацией литературного языка понимают систематизированное представление языковых норм в грамматиках, словарях и других нормативных сочинениях. В лингвистическую традицию термин «кодификация» был введен Б. Гавранekom, который увязывал это понятие с понятием языковой нормы. Если норма как совокупность устойчивых традиционно употребляемых говорящими языковых средств присуща любому языковому идиому, то кодификация является принадлежностью литературного языка. Если

кодификация языка выполнено грамотно, то его описание носит объективный характер и дает достаточно полное представление о норме данного языка.

Очевидно, что понятие кодификации применимо только к практике нормирования национальных литературных языков, поскольку на ранних этапах развития литературных языков в качестве образца для подражания использовался некоторый авторитетный текст (в этом случае говорят о скрытой кодификации). Что касается практики кодификации национальных литературных языков, то она включает в себя два хотя и взаимосвязанных, но все же различающихся компонента: описание уже сложившихся в общественно-речевой практике норм и активную перестройку общественно-речевой практики.

Соответственно, значение термина «кодификация» варьирует. Так, Н. Н. Семенюк предлагает широкое понимание этого термина, понимая под кодификацией все «сознательные и целенаправленные селективные процессы» [14, с. 24]. В то же время некоторые авторы стремятся ограничить кодификацию простой фиксацией в нормативных сочинениях уже сложившихся языковых норм, исключая из этой сферы конструктивное начало – то есть активное вмешательство лингвиста в общественно-речевую практику. Так В. А. Ицкович понимал под кодификацией простую фиксацию сложившихся языковых норм, противопоставляя ее активным процессам нормализации языка [9]. В работах Л. К. Граудиной термин «кодификация» также используется в более узком и специализированном значении в тех случаях, когда речь идет о регистрации правил в нормативных трудах. По мнению Л. И. Скворцова, термин «кодификация» применительно к языку вообще неудачен, поскольку неизбежно вызывает ассоциации с нормами права и подразумевает едва ли не законодательную обязательность, что не оправданно по отношению к языку [15, с. 34].

На наш взгляд, в практике нормирования языков объективная фиксация сложившейся языковой нормы и активное вмешательство лингвиста в языковую эволюцию столь тесно взаимосвязаны, что их разграничение нецелесообразно, а нередко и невозможно. В силу вариативности языковой практики сам факт фиксации некоторой языковой формы в нормативном сочинении может восприниматься читателями как рекомендация к употреблению именно этой формы (в отличие от других, не упомянутых автором). Нормативная традиция

неизбежно имеет двойственную природу: авторы нормативных сочинений отражают уже сложившуюся общественно-речевую практику, но одновременно и регулируют ее. Нормативная грамматика – это одновременно и теоретическое сочинение, и описание сложившегося языкового узуса, и пособие по культуре речи, она естественно включает в себя не только дескриптивный, но и аксиологический компонент. При этом деятельность лингвиста в области нормирования языка отнюдь не противоречит стихийным процессам языковой эволюции: как показывают исследования, стремление к выработке общих норм происходит и в самой общественно-речевой практике широких слоев населения, так что очень часто авторы нормативных сочинений только закрепляют те формы, которые уже получили в языке широкое распространение.

Представляется, что наиболее общим и широким по сфере применения является термин «нормирование языка», который в равной степени приложим как к процессам стихийного складывания языковых норм, так и к процессам сознательной выработки литературной нормы и ее фиксации (кодификации) в нормативных сочинениях. В отличие от термина «нормализация», термин «нормирование» не сдержит в себе аксиологического компонента, присутствующего в слове «нормализация» (ср. выражение «нормализация отношений», в котором «нормализация» означает улучшение отношений, приведение их в порядок). Термин «кодификация», в свою очередь, также целесообразно употреблять в широком значении применительно к любой фиксации языковых норм в нормативных сочинениях, вне зависимости от того, преобладает ли в данном сочинении прескриптивное или дескриптивное начало.

В англоязычной традиции широкое распространение получил также термин «прескриптивизм». Он обозначает вмешательство автора нормативного сочинения в формирование языковой нормы. Следовательно, нормирование языка и кодификация его норм (в понимании, предложенном в настоящей работе) – это более широкие понятия, чем прескриптивизм: последний составляет лишь часть, хотя и очень важную часть практики нормирования языка. Прескриптивизм проявляется в оценке авторами нормативных сочинений языковых явлений по шкале «хорошо – плохо», «правильно – неправильно» и, соответственно, рекомендации тех вариантов, которые представляются

им наиболее приемлемыми. Некоторые зарубежные авторы различают «прескриптивное» и «проскриптивное» отношение к языку: в этом случае первый термин означает отбор рекомендуемых вариантов, а второй – выработку запретов на употребление некоторых языковых единиц и конструкций. В зарубежной, прежде всего, англоязычной традиции эти термины обычно употребляются с негативной коннотацией.

На наш взгляд, однако, прескриптивизм представляет собой неотъемлемую часть процесса нормализации языка, по крайней мере, на определенном культурно-историческом этапе. Прескриптивные рекомендации появляются тогда, когда внимание общества привлекает проблема языкового варьирования и сосуществующие в языке дублетные формы начинают осознаваться как препятствие для эффективной коммуникации. Поэтому уменьшение сферы свободного варьирования языковых средств является неизбежным последствием нормирования языка. В ходе развития литературного языка варианты, прежде находившиеся в отношениях свободного варьирования, либо вытесняются на периферию языка (со временем часть из них может совсем выйти из употребления), либо за ними закрепляются тонкие семантические или стилистические различия.

Изучение нормативной традиции показывает, что активность вмешательства авторов нормативных сочинений в языковую норму варьирует. Это делает актуальной задачу выяснения соотношения дескриптивного и прескриптивного компонентов в отдельных нормативных сочинениях и в рамках нормативной традиции в целом.

Как показывают исследования, поначалу нормативные сочинения имеют «системо-ориентированный» характер: они нацелены преимущественно на установление состава частей речи и описание их грамматических категорий. Рекомендации и запреты на употребление языковых единиц в ранней нормативной традиции встречаются лишь эпизодически.

По мере развития письменно-литературной культуры проблемы культуры речи выступают на первый план, и в лингвистических трудах прескриптивный компонент начинает выступать более отчетливо. Критика неправильной речи начинает занимать на страницах грамматик и риторик все больше места. Это проявляется, прежде всего, в изменении характера правил. Ранние грамматики устанавливали норму,

предлагая учащимся рекомендуемые модели образования грамматических форм; «неправильные» формы, как правило, просто не попадали на страницы нормативных сочинений. Со временем к «положительным» рекомендациям добавляются запреты на употребление тех или иных языковых оборотов. На более позднем этапе (в Европе он приходится на эпоху Просвещения) авторов нормативных сочинений интересуют не только общие контуры грамматической системы, но и проблемы речевого употребления. Грамматика все более ориентируется на описание не языковой системы, но сложившегося узуса. Такой подход можно назвать «узусально-ориентированным».

Во второй половине XX в., однако, прескриптивный подход к языку попадает под град все усиливающейся критики; все большее число лингвистов разделяют убеждение, что навязывание языковых стандартов недемократично, так что основным аргументом в пользу приемлемости языковой единицы становится ее распространение в речевой практике. Нормативные рекомендации становятся более гибкими: учет стилистического варьирования языка переносит акцент с понятий «правильного / неправильного» на понятия «уместного / неуместного» (в определенном контексте).

Можно полагать, что это «маятникообразное» развитие нормативной традиции (слабость прескриптивного компонента на раннем этапе развития нормативной традиции, его усиление на протяжении XVIII–XIX вв. и последующая критика прескриптивистского подхода в XX в.) является общей закономерностью развития европейских литературных языков.

Как было отмечено выше, важнейшей задачей истории нормативных учений является изучение принципов отбора рекомендуемых вариантов в различные культурно-исторические эпохи. Следует заметить, что принципы отбора языковых форм, лежащие в основе нормативных рекомендаций, не всегда формулируются авторами нормативных сочинений эксплицитно, что вызывает необходимость проведения своего рода «филологической реконструкции».

Основные источники языковой правильности были установлены еще в греко-латинской грамматической традиции в ходе дискуссии об аналогии и аномалии в языке. В ходе этой дискуссии были обоснованы четыре источника правильности: обращение к авторитетным текстам; обращение к языковым формам, наиболее широко представленным в различных типах дискурса; обращение к эстетическому

чувству создателя грамматических правил; применение принципа аналогии, который означает выведение одних языковых форм из других в соответствии с требованиями экономности речи [1, с. 108]. При этом применение различных критериев при выборе рекомендуемых форм является закономерной характеристикой нормализационных процессов: «Все четыре источника не применяются как абсолютные, ибо нередко противоречат друг другу. Источники используются каждый по согласованию с другим и в зависимости от представления об общем совершенстве создаваемой таким образом грамматической системы» [1, с. 108].

Эти принципы сохраняют свою значимость и более поздние исторические эпохи; однако в дальнейшем состав аргументов, применяемых для обоснования языковой правильности той или иной языковой конструкции, расширяется.

Так, в практике нормирования европейских языков достаточно распространенным является этимологический принцип. Поскольку национальные языки Европы сложились в сфере распространения классических литературных языков, то одним из аргументов в пользу той или иной языковой формы является ее соответствие формам латинского или греческого языков. В других случаях этимологический принцип нацелен на усиление чистоты языка и устанавливает историческую преемственность языковых форм в рамках одного языка.

В эпоху Просвещения особое значение приобретает рациональное обоснование грамматических правил: в основу нормативной традиции кладется принцип изоморфизма языковых и мыслительных категорий. Грамматисты стремятся сохранить и усилить смысловозначительный потенциал языка: различия в языковых формах должны соответствовать различным оттенкам мысли.

В современную эпоху наиболее значимым принципом отбора оказывается указание на распространенность языковой единицы в речевой практике, в чем обычно усматривают проявление общей демократизации общественной жизни.

Изучение принципов отбора рекомендуемых и отвергаемых вариантов позволяет понять логику процесса нормирования языка и установить тот идеал языка, достичь которого стремились авторы нормативных сочинений в разные исторические эпохи. Эти принципы могут иметь синхронический, диахронический и панхронический характер. В первом случае авторы нормативных сочинений ориентируются на

современный им узус; во втором – на исторические прецеденты, т. е. этимологию языковых единиц, образцы классических языков или литературную практику писателей прошлых эпох; в третьем случае на первый план выходят логические аргументы. Привлекательность тех или иных принципов в глазах авторов нормативных сочинений во многом зависит от интеллектуального климата исторической эпохи. Так, в эпоху Просвещения актуальной оказывается панхроническая рационалистическая аргументация; в наше время преобладает аргументация синхронического типа.

Очевидно, что рекомендации нормативных сочинений накладываются на процессы стихийного развития языка, поэтому актуальной задачей истории нормативных учений является изучение соотношения стихийных и сознательных процессов при формировании языковой нормы. Важная сторона такого рода исследований – выяснение действительности кодификационных требований и установление степени расхождения кодификации с реальной общественно-языковой практикой своего времени. Особые возможности в этом плане предоставляет историческая социолингвистика, опирающаяся на корпусные исследования. Корпусные исследования дают возможность привлекать к анализу большие текстовые массивы, благодаря чему оказывается возможным проследить появление и распространение языковых инноваций в текстах разных типов и разных исторических эпох [7].

Несомненный интерес для истории языкознания представляет и изучение внутренней структуры нормативной традиции в ее историческом развитии и национально-культурной специфике. В этом плане важно изучение различных жанров нормативных сочинений (словарей, риторик, грамматик, разного рода лингвистических справочников) в их соотношении друг с другом. Как показывают наблюдения, это соотношение подвижно и зависит как от исторического периода, так и от конкретной национальной культуры. Так, в англоязычной нормативной традиции XVIII–XIX вв. особое значение имеет сближение предмета грамматики и риторики, что сказалось на понимании природы и идеала грамматической правильности, которую стали напрямую соотносить с требованием коммуникативной ясности.

Варьирует не только соотношение нормативных сочинений различных жанров, но и внутренняя структура нормативных сочинений. Грамматика любого языка является сочинением многоплановым. В ней выделяются четыре компонента: дефиниции, правила, примеры

и авторские комментарии, которые служат ключом к пониманию авторского замысла. В рамках истории лингвистических учений любой из этих компонентов в его историческом развитии может стать предметом отдельного рассмотрения.

В работах по истории грамматики уже были отмечены определенные закономерности развития каждой из частей грамматики. Так, по мере развития нормативной традиции меняется характер формулирования грамматических правил. С течением времени правила становятся все более детализированными, так как основные правила уточняются в дополнительных правилах. С другой стороны, меняется и стиль изложения грамматического материала, так как формулировка правил и дефиниций приспособляется к литературному стилю своего времени. В результате сам текст грамматики выступает в глазах учащихся как образец языка и стиля, которому следует подражать [10].

Другой важной частью нормативной традиции являются примеры, знакомящие учащихся не только с собственно грамматическими, но также со стилистическими и даже морально-этическими нормами. В русской, французской и английской традициях примеры сначала создаются авторами, отражая их представления о том, каковы правильные высказывания на данном языке. Эти примеры достаточно просты и часто ограничиваются отдельными языковыми единицами, извлеченными из контекста. Со временем составители грамматик начинают использовать более длинные и сложные примеры, заимствованные из литературных сочинений. Поначалу это отрывки из религиозных, исторических, философских трактатов, которые одновременно выполняют две задачи: проиллюстрировать грамматическое правило и укрепить морально-этические принципы учащихся. Со временем все большее распространение получают примеры из художественной литературы, так что грамматики начинают знакомить учащихся со стилистическим каноном своего времени. Это общие закономерности развития нормативной традиции. Вместе с тем, различные национальные нормативные традиции обнаруживают и свою специфику в отношении к примерам: так, использование отрывков из художественной литературы в качестве источника языковой правильности в большей мере характерно для французской грамматической традиции, в то время как в британских и американских грамматиках XVIII–XIX вв. примеры из художественной литературы часто

приводятся как «отрицательный материал», призванный наглядно показать учащимся сложности в употреблении языка, которые могут ввести в заблуждение даже маститых авторов.

Языковая норма является составляющей национальной культуры, поэтому принципы нормирования языка имеют не только историко-культурную, но и национально-культурную специфику. Эта специфика может проявляться в разных сторонах нормативной традиции – в ее внутреннем строении и в том, как она вписывается в общую в систему гуманитарных знаний, в степени императивности и характере соотношения с общественно-речевой практикой, в том, где ведутся поиски источников языковой правильности и как понимается образцовый узус. В этом плане интересно сопоставить понимание образцового узуса в практике нормирования итальянского, французского и английского языков.

В Италии XVI в. жаркие дискуссии велись вокруг проблемы выбора опорного диалекта литературного языка. В ходе этих дискуссий возобладало мнение, что литературный язык должен быть ориентирован на тосканский диалект Флоренции – города, где жили и творили величайшие гении итальянской литературы Данте, Боккаччо и Петрарка. Таким образом, на выбор опорного диалекта повлияли эстетико-литературные соображения [16].

По-другому был решен вопрос об образцовом узусе во Франции XVII в., где академик К. Вожла, член Французской национальной академии, призывал литераторов ориентироваться на речь королевского двора. Выбор опорного диалекта во Франции, таким образом, носил ярко выраженный социальный характер.

В Великобритании социальный компонент присутствовал в определении образцового узуса лишь подспудно: последний понимался как авторитетная (то есть принадлежащая перу авторитетных авторов), общенациональная (в отличие от диалектной или иностранной), и современная (т. е. не включающая в себя историзмы и неологизмы) речевая практика.

Национально-культурные различия нормативной традиции затрагивают не только принципы отбора рекомендуемых вариантов и структуру нормативной традиции, но и само понимание литературного языка. Так, несомненным своеобразием отличаются сами концепции стандартного и литературного языков, развиваемые англоязычными и отечественными лингвистами.

Стандартный язык понимается как язык, выполняющий преимущественно инструментальную функцию и имеющий не эстетическую, но риторико-прагматическую направленность. При подобной «инструментальной» трактовке стандартного языка его назначение усматривается в передаче с помощью конвенциональных словесных знаков знаний, которые находятся за пределами самого языка. В соответствии с инструментальным подходом, главными достоинствами языка являются ясность, рациональность, точность. Язык как таковой не является ключом к окружающему миру, так как он сложился в результате общественного договора и существует для удобства пользователя.

Концепция литературного языка имеет, напротив, культурно-ценностную ориентацию: сам язык воспринимается как носитель (а, возможно, и создатель) интеллектуальных смыслов. При культурно-ценностном подходе язык представляется наделенным способностью воплощать и передавать из поколения в поколение национально неповторимую культурно значимую информацию. При таком подходе в языке усматривают самостоятельную культурную ценность: язык рассматривается как важнейшая часть национальной культуры, а не только как техническое средство перевода одной знаковой системы в другую. Влияние языка более не рассматривается как досадная помеха, грозящая исказить мысль автора: предполагается, что язык обладает мощным творческим потенциалом и может стать стимулом для рождений новых идей. Основные достоинства языка видятся не столько в ясности и рациональности, сколько в выразительности, образности, живописности. Такое понимание языка характерно для XIX в., когда язык понимался как выразитель народного духа, формирующий этническую картину мира. Этот идеал языка соответствует философии романтизма и «организованной» трактовке природы языка [см. подробнее 4, 6].

Интересно, что образ «идеального языка», сложившийся в эпоху его формирования, сохраняется в национальной культуре, по крайней мере, несколько столетий. Такая устойчивость представлений о языковом идеале объясняется самой природой деятельности по нормализации языка. Поскольку ее целью является обеспечение единства общественно-речевой практики, она носит непрерывный характер: только при условии определенной консервативности и традиционности норма литературного языка может стать прочным связующим звеном между культурами сменяющих друг друга поколений.

Из сказанного вытекает, что процесс нормирования языка должен рассматриваться в широком культурном контексте в соотношении с философскими, семиотическими и эстетическими учениями своего времени. Только такой подход позволит установить как закономерности, своего рода культурно-исторические универсалии в области нормирования языка, так и вскрыть национально-культурную специфику этих процессов и показать их культурную значимость, установив место нормативных сочинений в структуре гуманитарного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амирова Т. А.* История языкознания / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. – 2-е изд. – М. : Академия, 2005. – 672 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Понятие нормы. Аномалии и язык // Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 65–90.
3. *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок / пер. с чешск. А. Г. Широковой ; под ред. Н. А. Кондрашова. – М., 1967. – С. 338–378.
4. *Германова Н. Н.* Образ родного языка как компонент этнокультурного сознания // Социокультурное варьирование в языке. – М. : МГЛУ, 2001. – С. 107–117.
5. *Германова Н. Н.* О двойственной природе языковой нормы // Проблемы коммуникативной лингвистики. – М., 2002. – С. 30–41 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 468. Сер. Лингвистика).
6. *Германова Н. Н.* Понятие «Standard English» и теория литературного языка в современной британской социолингвистике // Этноспецифические и социокультурные аспекты языка и дискурса. – М. : Рема, 2008. – С. 26–40 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 540. Сер. Лингвистика).
7. *Германова Н. Н.* Проблемы исторической социолингвистики в западноевропейской англистике // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – М. : ИНИОН РАН, 2009. – С. 36–58 (РЖ; сер. 6. Языкознание. № 3).
8. *Граудина Л. К.* Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. – М. : Наука, 1980. – 288 с.
9. *Ицкович В. А.* Очерки синтаксической нормы. – М. : Наука, 1982. – 199 с.
10. *Ольховиков Б. А.* Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. – М. : Наука, 1985. – 279 с.
11. *Рождественский Ю. В.* Лекции по общему языкознанию : уч. пособие для филол. спец. ун-тов. – М. : Высшая школа, 1990. – 381 с.
12. *Рождественский Ю. В.* Общая филология / ред.-сост. В. В. Яхненко. – М. : Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.

13. Семенюк Н. Н. Норма // *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка* / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1970. – С. 549–596.
14. Семенюк Н. Н. Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов // *Языковая норма. Типология нормализационных процессов: сб. статей* / отв. ред. В. Я. Порхомовский, Н. Н. Семенюк. – М. : ИЯ РАН, 1996. – С. 23–47.
15. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. – М. : Наука, 1980. – 352 с.
16. Чельшева И. И. Теория и практика процесса языкового нормирования в Италии XVI в. // *Языковая норма. Типология нормализационных процессов: сб. статей* / отв. ред. В. Я. Порхомовский, Н. Н. Семенюк. – М. : ИЯ РАН, 1996. – С. 128–153.